

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1468-1479, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1468
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1

The Concepts of Multifactor and the Historical Regularity in Russian Liberal Historical Thought at the turn of XIX and XX centuries

Andrei A. Konovalov ^{a,*}, Muslim S. Tamazov ^a, Maryana B. Shorova ^a, Svetlana G. Mirzoeva ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The turn of the XIX and XX centuries is the time of rapid development of historical science. This period is characterized by a crisis of classical scientific instruments and the search for new methods and approaches to understanding the historical process. The liberal direction of historical science was at the forefront of this process. Historians - representatives of this trend tried to adapt the heuristic means of classical rationality to the changing intellectual climate in historical science. The study of these searches is of interest for today, when many researchers, trying to find an answer to the challenge of postmodernity, are building a neoclassical model of explaining the past.

The article explores the fundamental principles of the liberal historical paradigm. Most of the liberal historians were based on positivist methodology. It is this direction of liberal historiography that has become the subject of this article. The theoretical bases of scientific views of N.I. Kareyeva, P.N. Milyukov, E.V. De Roberti and other positivist historians. In a situation of clashes with empirio-criticism and neo-Kantianism, they defended the fundamental principles of the classical view of the historical process. Their scientific worldview continued to be based on the principle of historical pluralism, within which they developed the concept of the multifactority of the process of social evolution. Another important principle of historical explanation, which they defended in their polemics with opponents, was the principle of reliance on facts, the desire to avoid unconfirmed metaphysical generalizations.

At the same time, the need to adjust their scientific attitudes in accordance with the changed intellectual climate led to the emergence of contradictions in their theory of history. Antimetaphysical aspirations were combined with the construction of schemes, the bases of which, in fact, were speculative constructions that went beyond the world of phenomena.

Keywords: russian liberalism, positivism, history, and Russian historical thought, historical regularity, the theory of multifactor, historical fact.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. в отечественной исторической науке произошло столкновение теоретико-методологических установок классической рациональности, высшим проявлением которой стал позитивизм, и неклассической парадигмы, которая была представлена главным образом неокантианством и некоторыми идеями эмпириокритицизма. Еще в конце XIX в. позитивистское течение в российской исторической мысли оставалось доминирующим, но уже с 1890-х гг. наблюдается антипозитивистская реакция. Историческое сознание, опиравшееся на парадигму классического рационализма, в начале XX в. оказалось в ситуации кризиса. Односторонность и прямолинейность прежних методологических принципов стала причиной их переосмысления. Позитивистские взгляды на взаимодействие субъекта и объекта, отрицание активности субъекта в

* Corresponding author

E-mail addresses: homunculus2@yandex.ru (A.A. Konovalov), muslimt@mail.ru (M.S. Tamazov), mshorova@mail.ru (M.B. Shorova), mirzoevasveta@mail.ru (S.G. Mirzoeva)

процессе исторического познания стали восприниматься как упрощенные и не соответствующие новым задачам науки.

Влияние неокантианства привело к пересмотру принципов закономерности развития общества. Критика со стороны неокантианства стимулировала позитивистски настроенных историков (П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, Н.П. Павлова-Сильванского, А.А. Корнилова, Б.И. Сыромятникова и др.) к новому осмыслению своих взглядов на проблемы развития государства и общества. Однако они не собирались сдавать свои позиции, стремясь, с одной стороны, отстоять базовые принципы методологии классической рациональности, с другой, - приспособить ее основы «к новой теоретической атмосфере».

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников выступает ряд неопубликованных документов фондов Государственного архива Российской Федерации и опубликованных текстов, в которых нашли отражение теоретико-методологические взгляды представителей либерально-позитивистского крыла исторической мысли рубежа XIX и XX веков. Используемые опубликованные источники условно можно разделить на несколько групп:

- теоретические и методологические исследования историков-либералов, как позитивистской ориентации, так и их оппонентов, внутри либерального лагеря, ориентировавшихся на другие теоретические паттерны;

- историографические работы, исследующие с либеральных позиций предшествующие направления исторической науки;

- исследования историков-либералов общего характера и тексты, посвященные специальной проблематике;

2.2. Либеральная общественно-политическая мысль характеризуется диалектичностью, это обусловило использование диалектического метода при анализе идейно-теоретического содержания изучаемой проблемы. Данный подход позволил выявить противоречия в либеральных концепциях и проследить перспективы их разрешения.

Характер исследуемого материала создал необходимость применения междисциплинарного подхода. Использование системного подхода позволило проанализировать соотношение исторического обоснования либерализма и либеральной парадигмы в целом, как взаимоотношения «элемент-система».

Модернизационный подход создал общий исторический фон данного исследования и позволил определить общее и особенное в условиях деятельности российского либерализма и формировании либеральных теоретических концепций.

3. Обсуждение

В отечественной историографии проблеме изучения различных аспектов развития либеральной традиции в общественно-политической и духовно-интеллектуальной жизни России отведено значительное место.

Советские исследования о либеральной общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в. опирались на устоявшееся в науке утверждение о переживаемом ею кризисе. Понятие «кризис» использовалось для обоснования беспомощности «буржуазных» деятелей в объяснении прошлого. В работах советских авторов допускались неточности и искажения при анализе дореволюционных концепций и идей. Тем не менее, многие исследования, выполненные в рамках марксистской историографии характеризуются высоким научным уровнем. Их авторы сумели адекватно представить взгляды либеральных историков на российский общественно-политический процесс.

Со второй половины 1980-х гг. в отечественной историографии происходит обновление концептуальных подходов к осмыслению теоретического наследия либералов. Наблюдается систематическое изучение общественно-политической и творческой деятельности представителей либеральной мысли.

Современные исследования характеризуются наличием методологического плюрализма в изучении феномена российского либерализма. Часть авторов рассматривает либерализм как социально-политическое явление в общероссийском историческом контексте, в сознании других исследователей он предстает как подвижный социокультурный феномен. Наиболее плодотворным нам представляется подход, подчеркивающий амбивалентность либеральной мысли.

Очевидно, что проблематика российской общественно-политической мысли требует глубокого научного осмысления. В данной статье рассмотрен один из множества аспектов проблемы – один из вариантов исторического обоснования либерализма.

4. Результаты

Анализ русской исторической мысли рубежа XIX и XX столетий делает очевидным тот факт, что российский либерализм при всей его целостности оказывается внутренне дифференцированным. В этой связи особое место занимают представления позитивистского крыла либеральной мысли о месте России в мире.

Позитивистские принципы разделяли многие крупнейшие русские либеральные мыслители, среди которых П. Милюков, Н. Кареев, А. Кизеветтер, А. Корнилов и другие. При этом большинство из них не были позитивистами в строгом контовском или спенсеровском смысле. Из философских систем классического позитивизма они брали то, что соответствовало их собственному мировоззрению, научным или политическим задачам.

В конце XIX в. на первое место в русской исторической науке и общественно-политической мысли выходит неокантианское направление. Влияние неокантианства привело к переосмыслению рядом исследователей принципов закономерности развития общества. Для А.С. Лаппо-Данилевского, склонного к позитивистской методологии, но впоследствии перешедшего на позиции неокантианства, понятие закономерности – лишь продукт человеческого сознания. Сходной точки зрения придерживался Р.Ю. Виппер. Будучи последователем эмпириокритицизма – второго этапа развития позитивизма – Виппер отходит от свойственных классическому позитивизму методов обоснования общественных закономерностей – законами биологическими. Он противопоставляет историческое и естественнонаучное познание. Отказывается он и от свойственного классическому позитивизму объективизма, воспринимая релятивистскую концепцию. То, что мы называем историческими фактами и процессами, полагал Р.Ю. Виппер, есть данные сознания историка, созданные из необозримого хаоса ощущений, есть одна из субъективных категорий, причём категория, изменчивая по своему содержанию (Шапиро, 1962: 128). Исторические теории и концепции, по его мнению, не являются адекватным выражением действительности. Это – всего лишь результат организации исторического материала, конструкции, созданные нашим сознанием на основании результатов интерпретации им данных опыта и способности группировать и сцеплять воедино то, что мы называем фактами прошлого. Любая историческая концепция, таким образом, не может претендовать на какое-либо объективное значение, то, что мы полагаем объективной действительностью, есть не более чем субъективная категория. Исторические законы, таким образом – ограничительное условие, которое мы вносим, руководствуясь возрастающим опытом в наши ожидания и предвидения (Сафронов, 1976, 164). Любой исторический феномен – это бесконечное количество процессов, объединённых в одно целое исключительно в нашем сознании. Предвосхищая рассуждения Т. Куна, Виппер считал, что наши современные представления о развитии общества научнее средневековых представлений только потому, что объясняют большее количество явлений. Критерием научности является, таким образом, принцип «экономии мышления», разработанный Э. Махом. Все эти идеи не могли не учитываться либеральными мыслителями позитивистского направления.

Позитивистское крыло либеральной мысли в начале XX века столкнулось с ситуацией кризиса позитивистской методологии истории и социологии. Его причины можно объяснить внутренней логикой развития исторической науки, необходимостью пересмотра господствующих в ней ранее принципов позитивистской философии истории, страдавшей односторонностью и прямолинейностью подходов, не учитывавшей в должной степени сложности взаимодействия субъекта и объекта в процессе постижения прошлого и активности субъекта такого процесса (Рамазанов, 1999: 22-23). Критика методологии позитивистов со стороны неокантианства побудила историков-позитивистов к новому осмыслению традиционных позитивистских взглядов на общество. Однако представители позитивистского течения не собирались сдавать свои позиции. В условиях борьбы альтернативных методологических концепций представители позитивистского крыла пытались, с одной стороны, отстоять базовые принципы своей методологии, с другой, – приспособить ее основы «к новой теоретической атмосфере». Это оказало самое непосредственное влияние и на осмысление либералами-позитивистами места России в мировом культурно-историческом процессе.

Важнейшими новыми явлениями в исторической эпистемологии рубежа XIX–XX вв. стали: «1) творческая активность субъекта познания и зависимость от нее результатов научного опыта; 2) неожиданно сложный и непредсказуемый в своих характеристиках окружающий мир, не укладывающийся в разработанную систему понятий и законов; 3) релятивный характер научных истин; 4) зависимость результатов научного опыта от применяемого метода; 5) возможность и совместимость различных теоретических формул для одних и тех же фактов; 6) роль бессознательного в жизни общества и индивида» (Нечухрин, 2003: 87).

Не приемля релятивистского обоснования истории, историки-позитивисты рубежа XIX-начала XX в. отстаивали принципы классического позитивизма: онтологический натурализм (представление о глубинной взаимосвязи социальной и природной среды); утверждение возможности познания

природы социального; интерес к общим проблемам общественных наук, в частности, к понятиям об обществе, порядке, прогрессе; интерпретация идей социальной физики Конта как проекта новой науки, в которой социология занимает ведущее место. В то же время кризис начала XX века благотворным образом сказался на состоянии исторической науки и общественно-политической мысли. Происходило расширение исторического кругозора ученых. Усиливается интерес к психологическим элементам социологической теории и связанный с этим субъективизм, «плюралистичность» социологической теории. Но, все же, ядро позитивистской методологии либералы исследуемого направления попытались сохранить.

Концепция классического позитивизма, привлекала историков «своими идеями о закономерном прогрессивном характере исторического процесса», «утверждением возможности достижения в истории такой же объективности, посредством таких же рациональных методов, как и в естественнонаучных дисциплинах, уверенностью, что в исторической науке возможны такие же законы, как в физике и в биологии» (Рамазанов, 1999: 69). Так, Д.М. Петрушевский утверждал, что «не может быть речи об исторических законах... можно говорить лишь о законах социологических» (Петрушевский, 1916: 18).

В этой ситуации они должны были сформулировать свою позицию по ряду проблем, наиболее важными из которых представляются следующие: принцип опоры на факты; плюралистическая теория многофакторности процесса общественной эволюции; понимание исторической закономерности.

В начале XX века стремление идеологов либерализма, придерживающихся позитивистского мировоззрения, избавиться от метафизических рассуждений и спекулятивных обоснований своих теорий выглядело весьма современно. Спекулятивную философию истории (объяснение исторических явлений «не на основании эмпирических данных, а с помощью умозрительных построений» (Макушин, Трибунский, 2001: 339) они пытались заменить «научной социологией» (Медушевский, 1991: 24). Такая позиция позволяла позитивистам претендовать на преодоление дихотомии «идеализм-материализм», объявив оба направления вариантами «метафизики». Построенные на их основе исторические гипотезы, полагал Милуков, являлись последовательным приложением мировоззренческих положений о духовной или материальной основе истории к объяснению исторических явлений (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Л. 13; Д. 3404. Л. 14). Милуков «пытался доказать, что его теоретические и концептуальные построения имеют строго «позитивный» характер, полностью базируются на фактах» (Сидненко, 2008: 55).

Милуков сторонился метафизики потому, что она не могла дать надежных результатов – «там приходилось иметь дело не с фактами, а с ценностями и там вступали в свои права вера, чувство, интуиция». Милуков настаивал, на том, что его «теоретические и концептуальные построения имеют строго «позитивный» характер, полностью базируются на фактах, без примеси субъективизма» (Макушин, Трибунский, 2001: 339).

Оппонент Милукова, сторонник релятивистской «критической» концепции исторического процесса Р.Ю. Виппер, в этом отношении согласился с ним. «Новая социальная философия не допускает особых духовных сущностей, витающих в истории и толкающих ее; она не видит в идеях двигателей событий и людей. Идеи – только знаки, символы действий, показатели интересов, они не цели и не целесообразные размахи. Они – произвольные выражения тех же самых мотивов, которые выступают в действиях. Идеи – лишь громкие свидетели, но не творящие начала» (Виппер, 1912: 272). Попытки объяснить исторический процесс, выходящий за пределы истолкования феноменов, он трактует как метафизическую реакцию, базирующуюся на идеалистической философии (Виппер, 1912: 272).

Феноменализм, лежащий в основе исторических и социологических концепций либералов-позитивистов, приводил их к выдвиганию на первый план методологического принципа опоры на факты.

Российский социолог, философ-позитивист Е.В. де Роберти, указывая на необходимость опираться в исследовании не на метафизические категории, а на факты и только на их основе делать широкие обобщения, отмечал, что следует «идти от исследования конкретных исторических фактов, управляемых законами второго порядка, к познанию отвлеченных социологических истин, нормируемых законами первого порядка» (Де Роберти, 1909: 43).

Позитивисты декларировали свое нежелание заглядывать «за пределы мира явлений, в «непознаваемое» (Пустарнаков, 2000: 22). Принимая существование некоторых вопросов, не решаемых в рамках опыта, но доступных лишь «философскому объяснению», Милуков, тем не менее, резко критиковал метафизические попытки объяснения сущности явлений не на основании эмпирических данных, а с помощью умозрительных построений (Сидненко, 2008: 54). Милуков был уверен в первичности объективного факта, на основе которого впоследствии создается историческая теория или концепция (Сидненко, 2006: 95).

При этом историкам-позитивистам был свойствен объективизм и стремление свести к минимуму роль исследователя. Каждый факт считался независимым от познающего субъекта, поэтому все субъективные элементы, привносимые точкой зрения историка, полагали указанные мыслители, должны быть уничтожены. Историк не должен давать оценки фактов, его дело сказать

каковы они были. «Я всегда был против раскраски фактов», - писал Милуков, заявляя о своем стремлении заставить «говорить факты их подбором и сопоставлением их в естественном порядке» (Милуков, 1990: 178). Главной задачей историка он считал открытие закономерностей социальной эволюции.

Позитивистский культ фактов подвергался критике со стороны историков, исходивших из принципов эмпириокритицизма. Р.Ю. Виппер, полемизировал с позитивистской убежденностью в том, что факты – достаточный элемент дискурса историков, что для исторического исследования достаточно выявить раз и навсегда данный факт. По мнению Виппера, исторический факт как следствие теоретических построений исследователя представляет собой «результат... нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке». «Факты» появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах. Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» (Виппер, 1912: 31-32). Сконструировав, таким образом, факты, историческое сознание создает универсальные, термины, лишённые пространственной и временной локализации, посредством которых в дальнейшем происходит осознание действительности прошлого. Необходимость взгляда на прошлое посредством укорененного в сознании терминологического ряда заставляет исследователя при дальнейшем изучении помогать себе новыми формулами и рядами «предвзятых комбинаций» (Виппер, 1912: 38-39, 42).

Представление классического позитивизма о монистической обусловленности исторического процесса было пересмотрено. Была создана теория многофакторности. Это не отменяло монистического взгляда на исторический процесс. По их мнению, подлинный монизм в понимании исторической реальности заключается не в доминировании одного фактора, а в понимании истории как потока, в котором объединяются все факторы развития. Стремление избежать глобальных, «спекулятивных» обобщений приводило многих историков-позитивистов к отрицанию существования какого-либо главного или решающего фактора исторического процесса, или, как предпочитали говорить многие из них, социальной эволюции. При изучении развития общества, полагали они, необходимо изучать меняющуюся роль каждого из действующих факторов. И если в конкретных трудах они уделяли преимущественное внимание социально-экономической стороне истории, то на уровне теории исходили из идеи равнозначности различных факторов, выступали против «крайностей» материализма и идеализма (Нечухрин, 2003: 27-28).

Так, например, Милуков, выделяя в качестве сторон исторического процесса экономическую, политическую, государственную, умственную, правовую, религиозную и эстетическую, вопрос о том, какие из перечисленных сторон – главные, а какие – второстепенные считал открытым. Попытки же свести эти стороны исторической эволюции к какой-нибудь одной историк называл «совершенно безнадежными» (Милуков, 1909: 3-4). Милуков выступает против историков, которые важнейшим считают изучение духовного начала и ставят «душу» на недостижимую высоту над «материей». В этом он даже был готов солидаризироваться с «экономическим материализмом» (марксизмом). Но далее он дистанцируется и от последнего, объявляя материальный характер экономического производства кажущимся. Явления экономики, по его мнению, происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности. И, оставаясь в рамках социологического объяснения, «мы не можем выйти за ее пределы». Противоположность же духовного и материального начал снимает научный синтез. Жесткая взаимосвязь культурно-исторического процесса и экономического базиса им отрицается. Историк, по мнению Милукова, должен следить за параллельным развитием различных сторон человеческой деятельности. Политическая, экономическая история, история культуры развиваются как бы параллельными рядами, и внимание уделяется изучению внутренней эволюции каждого из них.

Принцип многофакторности в той или иной мере разделяли все либералы позитивистской ориентации. «В истории каждого отдельного народа, - писал Н.И. Кареев, - проявляется не одна какая-либо действующая сила, а действует великое множество таких сил. Даже отдельные события в жизни каждого народа порождены обыкновенно сочетанием целого ряда причин, из которых каждая есть не что иное, как место встречи или пересечения также нескольких самостоятельных каузальных рядов. Законов, действующих в общественной и исторической жизни человека много, и лишь разные сочетания их действий в отдельных случаях производят некоторое общее течение исторического процесса, а не какой-то единый основной закон, из которого все остальное вытекало бы как из основного источника» (Кареев, 1915: 47).

М.М. Ковалевский полагал, что любой общественный факт или явление обуславливаются множеством причин, при этом, ни одну из них он не объявлял главной, доминирующей, считал, что развитие науки не говорит «в пользу признания первенствующего значения ни за одним, так называемых факторов развития» (Ковалевский, 1905). Если же доминирующий фактор все же выделяется, то это свидетельствует, по мнению Ковалевского, о «добровольной односторонности» исследователя (Ковалевский, 1905: 14). Он подчеркивал, что экономические явления обусловлены психически, вызываются к жизни определенными запросами и чувствами. Каждое экономическое явление обладает двойственной природой, будучи материальным по своим последствиям и духовным в своем базисе (Ковалевский, 1905: 9).

Признание многофакторности исторического процесса приводило к тому, что он виделся

многогранным явлением. Общество рассматривалось как разноуровневая, саморазвивающаяся система, имеющая сложный характер взаимосвязей между ее составляющими. «Выделенный на общественном уровне, каждый фактор имел свою степень исторической конкретизации, на которой только и имело смысл его рассматривать». Очевидно, с ним следует согласиться и в том, что принцип многофакторности имел и свою ограниченность. Сам по себе он еще не решал проблемы системного единства концепции; преодолеть ограниченность дуалистических взглядов в рамках данной теории, в конечном счете не удалось. И если материалистический монизм сводит основные принципы общественного бытия в определенную систему, то дуалистический подход лишь позволяет рассмотреть две его параллельные стороны (Шувалов, 1999: 28).

И, все же, этот принцип позволил преодолеть односторонность классического позитивизма, единым образом решавшего все исторические проблемы. В столкновении с неокантианской точкой зрения (по которой исторический закон есть не столько реальные отношения, сколько следствия субъективного взгляда исследователя) была сохранена базовая идея закономерности исторического процесса. Позитивистская теория начала XX в. стала более глубокой и сложной.

Критикуя упрощенное понимание исторического развития, Виппер удерживается, однако от позиций крайнего релятивизма. Одной из важнейших задач науки он считал выявление взаимосвязи общественных явлений, сходств и аналогий, выстраивание причинно-следственных рядов. Виппер предлагает избавиться от соблазна приписывать исторической действительности не свойственные ей формы организации. Он признает, что социальные явления – отнюдь не «горы случайностей», а группы сцеплений, образующих «повторяющиеся единства». Осмысление связей между явлениями необходимость и главная исследовательская задача. Виппер не против установления и исторических «законов». Он лишь предлагает их понимать не как неминуемо действующие организующие силы исторического процесса, но и как «ограничительные условия, которые мы вносим, руководствуясь возрастающим опытом в наши ожидания и предвидения» (Виппер, 1912: 278). Главная проблема субстанционализма (который проявляется как в позитивистских представлениях о прогрессизме, так и в идеалистических столкновениях истории) по мнению Виппера, имеет гносеологический характер. Все дело в правильной постановке научных проблем. «Вопрос наперед определяет ответ, он уже заключает в себе те группы и рамки, в которых потом подыскивается материал». Всем, кому методы научного критицизма кажутся «медленными и ползущими», Виппер предлагает получать «в ответе на свои вопросы отражения собственных видений» (Виппер, 1912: 279).

В ситуации кризиса, либералы-позитивисты в отличие от Виппера, не отказывались от сложившихся взглядов в трактовке проблемы исторической закономерности. Они «не сомневались в самой идее о законосообразном развитии исторического процесса. Они воспринимали её как исходное положение, не требующее доказательств, поскольку в природе всё закономерно, а общество, как продукт эволюции, имеет органическую сущность и развивается по своим внутренним законам» (Леонченко, 2016: 35). Историки-позитивисты могли спорить о характере законов исторического развития (Нечухрин, 2003: 20), «о том, выявлены ли они, либо это дело будущего, о том, какая конкретно наука их открывает – история, социология, или психология; само же существование законов было священным принципом, догматом веры, из которого исходил всякий исследователь. Они отвергали гносеологический релятивизм, свойственный неокантианству и эмпириокритицизму и в то же время пытались использовать новейшие достижения философии.

Н.И. Кареев подверг критике традиционное понимание идеи исторической закономерности. Он подчеркивал, что «история есть процесс, состоящий из последовательной смены явлений, которые нам даются лишь один раз в данной совокупности, другими словами исторические факты не повторяются, они вполне индивидуальны. Исторические законы для него – «могила истории» (Кареев, 1889: 106, 142). Они относятся «к области химер, вроде философского камня». Однако даже Кареев – наибольший в лагере позитивистского либерализма скептик в отношении исторических законов – не был представителем гносеологического релятивизма, подобно Випперу.

Суровые инвективы, вроде вышеприведенных, относятся не к идее закономерности, «сообразности», а к метафизической историософии, базирующейся на знаниях, полученных априорным путем (Кареев, 1916: 24). Общественные явления, как и явления материального мира, объявляются подчиненными действию естественных законов. Поэтому задача истории, как и любой другой науки – «познание действительности, открытие объективной истины, установление причинной или эволюционной связи между явлениями, возведение отдельных фактов к общим началам, проникновение в сущность законов, управляющих явлениями» (Кареев, 1894: 505). Еще важнее для науки законы развития не общества «взятого как единое целое, а известных сторон общественной жизни, представляющих собой... не столь сложные явления» (Кареев, 1915: 37-38).

Другие либералы-позитивисты еще в большей мере принимали идею закономерности. А.А. Кизеветтер подчеркивал особую значимость исторических обобщений, ставил сложную методологическую задачу определения связи этих обобщений с детальным изучением общественных явлений (Вандалковская, 1990: 244). Стремился отыскать исторические закономерности и Н.П. Павлов-Сильванский (Шапиро, 1962: 77). Открытие законов исторического развития считал целью историка Б.И. Сыромятников (Сыромятников, 1906: 94). «Нет явлений без законов» – полемизировал Милуков с Кареевым (Милуков, 1887: 91). Милуков выступал приверженцем именно

идеи объективной закономерности, присущей самой действительности (Макушин, Трибунский, 2001: 347). По их словам, он «предпочитал иметь дело не с прагматической политической историей, а с социально-экономическими процессами, которые можно изучать статистически. Таким путем он надеялся уйти от истории как случайного нагромождения фактов и приблизиться к пониманию ее «законов» (Макушин, Трибунский, 2001: 343-344).

Либералы-позитивисты не принимали неокантианского деления на номотетические и идиографические науки. Они предпочитали настаивать на принципах классического позитивизма. Отвергая неокантианское противопоставление естественных и общественных наук, Милюков заявлял о своем стремлении находить объяснение явлений общественной жизни в «более простых явлениях мира – физических, химических, биологических», и распространять понятие закономерности «из области естественных наук в область наук гуманитарных» (Милюков, 1909: 9). Выступая против неокантианского понимания истории как индивидуализирующего знания, Милюков был уверен, что история должна изучать преимущественно не единичное, а общее. «При всем своем эмпиризме, особенно и единичному описательный историк отводил подчиненную роль по отношению к конструированию общих законов развития общества» (Рамазанов, 1999: 71). Уступка делается лишь в утверждении, что всякая конкретная наука является низшей степенью науки абстрактной. Конкретной наукой считается история, абстрактной – социология. Но и здесь, полагал Милюков, не стоит проводить резкой грани; тенденция же развития указанных наук – в их сближении (Вандалковская, 1990: 122; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Л. 8; Д. 3487. Л. 1-2). Милюков выступал приверженцем именно идеи объективной закономерности, присущей самой действительности.

Подобно тому, как существуют закономерности в природе, полагали позитивисты, существует и объективная историческая закономерность; именно она должна лежать в основе научного или социологического объяснения истории. Наука, пытаясь отыскать их, может ошибаться, считая исторической закономерностью не столько реальные отношения, сколько идеальный тип. Этим грешит «метафизика» и «философия истории», являющаяся тем паровым котлом, «в котором возможные иррациональные обрезки человеческого духа претворяются в однородную и бесцветную массу высшего синтеза, готовую принять в умелых руках какую угодно форму» (Милюков, 1909: 8, 6). Осознавал Милюков и то, что действительность слишком многообразна, чтобы в полной мере следовать закономерности. Невозможность подвести все многообразие исторической реальности под единый ранжир заставила Милюкова признать, что «установить дедуктивным путем известной закономерности развития - еще не значит объяснить вполне историческую реальность». Выделенная в качестве закономерной тенденция есть только один из факторов исторического процесса и, кроме того, такая тенденция никогда не осуществляется в чистом виде» (Милюков, 1909: 11).

Кризис традиционного позитивистского мировоззрения и влияние неокантианства вынуждали Милюкова смягчать жесткий позитивистский детерминизм, заставляя отчасти признавать значение субъективного взгляда исследователя и влияние его взглядов и предпочтений на научную концепцию. Позитивистская «социология», по мнению Милюкова, осознает, что часто «историческим законом» в популярной речи называют произвольным образом объединенные в сознании факты. «Мы рассуждаем о причинах развития реформации или о причинах неудачи революции, как будто бы реформация и революция были каким-то осязаемым предметом, а не бесконечным количеством фактов, объединяемых в одно целое исключительно в нашем сознании. При этих условиях мы легко принимаем за исторический закон такие сочетания явлений, которые, собственно говоря, требуют еще дальнейшего, более глубокого анализа» (Милюков, 1909: 8). Однако далеко это влияние не пошло. Милюков и другие позитивистски настроенные историки и политические деятели настаивали на необходимости объективной оценки исторических событий. Субъективистское предвзятие неокантианства об определяющей роли исследователя в построении исторической теории отвергается. По мнению Кареева, необходимо устранять влияние характера и среды на исследователя, освобождаться от стремления вносить произвол, пристрастие и односторонность в исторические концепции. Единственный субъективизм, который может позволить себе историк – это общечеловеческая точка зрения (Кареев, 1889: 382, Золотарев, 1991: 127-131).

В общем, для позитивистской социологии были характерны: отстаивание детерминизма против идеи свободы действия; прогрессизм; примат общего перед индивидуальным, общества перед государством (Бон, 2000: 230).

Логическое развитие принципа феноменализма могло бы привести к отрицанию существования вечных и неизменных законов, управляющих человеческим обществом и его историей. Следствием недоверия к «метафизике» должно было бы стать удаление из научного арсенала представления о том, что все общество, весь всемирно-исторический процесс развивается по единому, раз и навсегда заданному плану. Однако научные концепции большинства либералов-позитивистов в начале XX в. не развивались ни в сторону неопозитивизма, ни в сторону неокантианства. В ситуации борьбы позитивистского и неокантианского взглядов на исторический процесс, либералы-позитивисты продолжали ориентироваться на принципы объективизма и детерминизма, обнаруживая склонность к конструированию «вечных и неизменных законов» (Могилицкий, 1969: 128).

Пафос борьбы со спекулятивной философией в их концепциях сочетался с унаследованным от классического позитивизма стремлением к созданию «большой теории», способной к синтетическому объяснению всех сторон действительности. Позитивистски ориентированные либералы зачастую «не замечали» фактически спекулятивного характера их научных допущений. Одними фактами обойтись невозможно, их подбор и сопоставление, которыми ученые-позитивисты хотели «заставить говорить» саму реальность, есть проявление того самого «приложения мировоззренческих положений о духовной или материальной основе истории к объяснению исторических явлений» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Л. 13; Д. 3404. Л. 14), против которого так горячо выступал Миллюков.

Одним из источников тяготения либералов исследуемого направления к спекулятивности были сами принципы позитивизма. Учение Конта о трех стадиях общественной эволюции по сути представляло собой «большую», спекулятивную теорию. Она не была эмпирически верифицируема.

Попытка отстоять принципы классического позитивизма на фоне увеличивающейся популярности неокантианства заставляла либералов еще активнее настаивать на объективном характере «открытых» ими закономерностей, а также усиливать «жесткость» действия исторических законов в своих научных концепциях: «номотетический» характер своих научных построений. Миллюков «не был свободен от субъективизма» и осознавал существенное влияние априорности своих исходных мировоззренческих установок на научные взгляды (Макушин, Трибунский, 2001: 339). Желание оставаться на почве факта, объяснять исторические феномены каждый раз выявляя конкретную ситуацию, явившуюся причиной того или иного исторического события, сочеталось у либералов-позитивистов с выстраиванием схем, весьма напоминавших подвергаемые критике «метафизические спекуляции».

Еще в начале XX века Н.М. Соколов обвинял Миллюкова в том, что «он грешит тем, в чем обвиняет своих противников», т.е. в склонности к метафизике и «спекулятивному мышлению»: «Миллюков по наклону своего ума, по методам и приемам мышления отъявленный метафизик» (Скиф, 1903: 676). Соколов полагал, что, декларируя приверженность к эмпирическим данным и фактологии, Миллюков в действительности основанием своей концепции делает не факты, а процессы мышления, выходит за пределы феноменального мира и демонстрирует почти в каждом утверждении внутреннее противоречие (Скиф, 1903: 275). На пользу подобным обвинениям послужила знаменитая фраза Миллюкова из «Очерков по истории русской культуры», в первом томе которых он объявляет о том, что принимает закономерность исторических явлений «совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы... даже если бы нам никогда не было суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать закономерности социального процесса» (Миллюков, 1909: 8).

Таким образом, уже в самой основе мировоззрения либералов, разделяющих принципы позитивизма, обнаруживается важное противоречие между стремлением избежать метафизики неподтвержденных обобщений и созданием «больших» теорий, основания которых, по сути, представляют собой умозрительные построения, выходящие за пределы мира явлений. Противоречие это коренится как в самих принципах позитивистской методологии, так и в разнонаправленном взаимодействии принципов классического позитивизма и неокантианства в сознании деятелей части либеральной общественно-политической мысли.

Представление о неминуемом действии исторической закономерности привносило в либеральные исторические концепции весомый элемент фатализма. Либералы пытались отрицать его наличие. Но рассмотренные выше особенности их научных построений снижали убедительность этих попыток. Показательный пример тому – рассуждения Б.Н. Сыромятникова. Подчеркнув, что «планомерная сознательная деятельность человека для того, чтобы быть продуктивной должна всегда исходить из понятия закономерности, он сразу же попытался отместить обвинения в фатализме, «слепом преклонении перед неумолимым роком истории» (Сыромятников, 1906: 97). Пояснял он эту мысль довольно оригинально. Заметив, что «мы изучаем законы природы с тем, чтобы, следуя, повинаясь им побеждать и властвовать, сознательно и целесообразно творить», Сыромятников тут же пишет: «нас не смущает мысль о том, что мы не сможем разорвать цепей железного закона гармонии стихийных сил, сознание, что мы с нашей планетой - ничтожная песчинка, гонимая в необходимом мировом процессе по сути загадочной и непонятной для нас вечности» (Сыромятников, 1906: 97). Что есть тогда фатализм, если не это?

Когда либералы переходили к конкретному историческому анализу, исторический фатализм проявлялся достаточно ярко. Будучи практикующими политиками, позитивистски ориентированные либералы должны были сочетать свои историко-философские и практически-политические идеи. Представление о неминуемом светлом либеральном будущем сочеталось с утверждением о существовании определяющих общих закономерностей, которые должны привести к модернизации и либерализации страны. Эти представления стали одной из основ формирования либеральной историософской парадигмы.

5. Заключение

Либеральному варианту осмысления исторического процесса в наибольшей степени соответствовала методология позитивизма. В борьбе с альтернативными философскими

направлениями (в частности – с неокантианством с одной стороны и эмпириокритицизмом с другой) позитивисты стремились отстоять свои основополагающие принципы, что побуждало к более глубокому их осмыслению и приведению в соответствие с запросами времени. Это придавало решению проблемы российской идентичности следующие характерные черты: эмпирический принцип опоры на факты, стремление избегать неподтвержденных метафизических обобщений; принцип исторического плюрализма – постулирование многофакторности процесса общественной эволюции; принцип детерминизма, объективной исторической закономерности, противоречиво сочетающийся с предыдущими.

Стремление следовать этим принципам приводило к противоречивому сочетанию антиметафизических устремлений с выстраиванием схем, основания которых, по сути, представляли собой умозрительные построения, выходящие за пределы мира явлений. А довольно жесткий детерминизм привносил в либеральный вариант идентификации России элемент фатализма.

Литература

Бон, 2000 – *Бон Т.М.* История культуры в Германии и России в трудах Карла Лампрехта и Павла Милюкова: сравнительный анализ // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М.: РОССПЭН, 2000. С. 225-235.

Вандалковская, 1990 – *Вандалковская М.Г. А.А.* Кизеветтер: история и политика в его жизни. // История и историки: историографический ежегодник. М.: Наука, 1990. С. 231-258.

Виппер, 1912 – *Виппер Р.Ю.* Реакционный идеализм и новая наука // Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных лекций 1900-1912 гг. М.: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1912. 321 с.

Виппер, 1912 – *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных лекций 1900-1912 гг. М.: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1912. 321 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Де Роберти, 1909 – *Де Роберти Е.В.* Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1909. 292 с.

Кареев, 1916 – *Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). Пг.: Типография Стасюлевича, 1916. 330 с.

Кареев, 1915 – *Кареев Н.И.* Историология (теория исторического процесса). Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. 324 с.

Кареев, 1894 – *Кареев Н.И.* История // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 тт. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1894. Т. 25. 489 с.

Кареев, 1889 – *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. В 3 тт. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. Т. 1. 475 с.

Ковалевский, 1905 – *Ковалевский М.М.* Современные социологи. СПб.: Издательство Л.Ф. Пантелеева, 1905. 414 с.

Леонченко, 2016 – *Леонченко Т.И.* Предмет исторической науки в трактовке российской позитивистской историографии // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2016. Выпуск 4. С. 32-36.

Макушин, Трибунский, 2001 – *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904). Рязань: НРИИ, 2001. 439 с.

Медушевский, 1991 – *Медушевский А.Н.* П.Н. Милюков – ученый и политик. // История СССР. 1991. № 4. С. 20-41.

Милюков, 1990 – *Милюков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 446 с., Т. 2. 448 с.

Милюков, 1913 – *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб.: издание М.В. Аверьянова, 1913. 342 с.

Милюков, 1887 – *Милюков П.Н.* Историософия г. Кареева / Основные вопросы философии истории Ч. I и II. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1887 // Русская мысль. 1887. Кн. IX. 475 с.

Милюков, 1909 – *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М.: издание журнала «Мир Божий», 1909. 436 с.

Могильницкий, 1969 – *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. Томск: Издательство Томского университета, 1969. 294 с.

Нечухрин, 2003 – *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы русской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.– 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003. 349 с.

Петрушевский, 1916 – *Петрушевский Д.М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг.: Типография Р.Г. Шредера, 1916. 21 с.

Пустарнаков, 2000 – *Пустарнаков В.Ф.* Социологическая концепция П.Н. Милюкова – антитеза метафизической философии истории // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2000. С. 11-32.

Рамазанов, 1999 – Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. Ч.1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 144 с.

Сафронов, 1976 – Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М.: издательство Московского университета, 1976. 224 с.

Сидненко, 2006 – Сидненко Т.И. Идеино-теоретические и методологические взгляды представителей российской либерально-исторической мысли конца XIX – начала XX вв. СПб.: Нестор, 2006. 248 с.

Сидненко, 2008 – Сидненко Т.И. Русская либеральная историография и европейская философская мысль в конце XIX – начале XX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. Вып. № 72. С.53-62.

Скиф, 1903 – Скиф Н. (Соколов Н.М.) Г. Милюков и славянофильство // *Русский вестник*. 1903. № 1. С. 269-317.

Скиф, 1903а – Скиф Н. (Соколов Н.М.) О русской национальной традиции // *Русский вестник*. 1903. № 2. С. 675-687.

Сыромятников, 1906 – Сыромятников Б.И. Основные моменты в развитии исторической мысли // *Русская мысль*, 1906. № 12. С. 94-96.

Шапиро, 1962 – Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 235 с.

Шувалов, 1999 – Шувалов В.И. Многофакторный подход к истории. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 1999. 106 с.

References

Bon, 2000 – Bon T.M. (2000). Istoriya kul'tury v Germanii i Rossii v trudakh Karla Lamprekhta i Pavla Milyukova: sravnitel'nyi analiz [The history of culture in Germany and Russia in the works of Karl Lamprecht and Pavel Milyukov: a comparative analysis] // P.N. Milyukov: historian, politician, diplomat. М.: ROSSPEN. pp. 225-235. [in Russian].

Vandalkovskaya, 1990 – Vandalkovskaya M.G. (1990). A.A. Kizevetter: istoriya i politika v ego zhizni [A.A. Kiesewetter: history and politics in his life] // *History and historians: historiographical yearbook*. М.: Science. pp. 231-258. [in Russian].

Vipper, 1912 – Vipper R.Yu. (1912). Reaktsionnyi idealizm i novaya nauka [Reactionary idealism and a new science] // Vipper R.Yu. Two intelligentsia and other essays: Collection of articles and public lectures 1900-1912. М.: Printing house of the company I.N. Kusneryev and K. 321 p. [in Russian].

Vipper, 1912a – Vipper R.Yu. (1912). Neskol'ko zamechaniy o teorii istoricheskogo poznaniya [A few remarks on the theory of historical knowledge] // Vipper R.Yu. Two intelligentsia and other essays: Collection of articles and public lectures 1900-1912. М.: Printing house of the company I.N. Kusneryev and K. 321 p. [in Russian].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] [in Russian].

De Roberti, 1909 – De Roberti E.V. (1909). Novaya postanovka osnovnykh voprosov sotsiologii [New formulation of the main issues of sociology]. М.: Printing house of the company I.D. Sytin. 292 p. [in Russian].

Kareev, 1916 – Kareev N.I. (1916). Istoriya (Teoriya istoricheskogo znaniya) [Historian (Theory of Historical Knowledge)]. Pg.: Printing house of the company Stasyulevicha. 330 p. [in Russian].

Kareev, 1915 – Kareev N.I. (1915). Istoriologiya (teoriya istoricheskogo protsessa) [Historian (Theory of Historical Knowledge)]. Pg.: Printing house of the company M.M. Stasyulevicha. 324 p. [in Russian].

Kareev, 1894 – Kareev N.I. (1894). Istoriya // *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. V 86 tt. [History // *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. In 86 vols.]. SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron). T. 25. 489 p. [in Russian].

Kareev, 1889 – Kareev N.I. (1889). Osnovnye voprosy filosofii istorii. V 3 tt. [The main issues of the philosophy of history. In 3 vols.]. SPb.: Printing house of the company M. M. Stasyulevicha. T. 1. 475 p. [in Russian].

Kovalevskii, 1905 – Kovalevskii M.M. (1905). Sovremennye sotsiologi [Contemporary sociologists]. SPb.: Publishing house L.F. Panteleeva, 1905. 414 p. [in Russian].

Leonchenko, 2016 – Leonchenko T.I. (2016). Predmet istoricheskoi nauki v traktovke rossiiskoi pozitivistskoi istoriografii [The subject of historical science in the interpretation of Russian positivist historiography]. *Bulletin of the Baranovichi State University. Series: historical sciences and archeology. Economic sciences. Juridical sciences*. Is. 4. pp. 32-36. [in Russian].

Makushin, Tribunskii, 2001 – Makushin A.V., Tribunskii P.A. (2001). Pavel Nikolaevich Milyukov: Trudy i dni (1859–1904) [Pavel Nikolaevich Milyukov: Works and Days (1859-1904)]. Ryazan: NRII. 439 p. [in Russian].

Medushevskii, 1991 – Medushevskii A.N. (1991). P.N. Milyukov — uchenyi i politik [P.N. Miliukov is a scientist and a politician]. *History of the USSR*. № 4. pp. 20-41. [in Russian].

- Milyukov, 1990** – *Milyukov P.N.* (1990). Vospominaniya. V 2-kh t. [Memories]. In two volumes. Moscow: Sovremennik. T. 1. 446 p., T. 2. 448 p. [in Russian].
- Milyukov, 1913** – *Milyukov P.N.* (1913). Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli [The main trends of Russian historical thought]. SPb.: publication of MV Averyanov. 342 p. [in Russian].
- Milyukov, 1887** – *Milyukov P.N.* (1887). Istoriosofiya g. Kareeva [Historiography of Mr. Kareev] / Basic questions of the philosophy of history Ch. I and II. SPb.: type. M. M. Stasyulevicha, 1887. *Russian Thought*. Book. IX. 475 p. [in Russian].
- Milyukov, 1909** – *Milyukov P.N.* (1909). Ocherki po istorii russkoi kul'tury [Essays on the history of Russian culture]. Part 1. M.: publication of the magazine "The Peace of God". 436 p. [in Russian].
- Mogil'nitskii, 1969** – *Mogil'nitskii B.G.* (1969). Politicheskie i metodologicheskie idei russkoi liberal'noi medievistiki serediny 70-kh godov XIX v. – nachala 1900-kh godov [Political and methodological ideas of Russian liberal medieval studies in the mid-1970s. - the beginning of the 1900s]. Tomsk: Publishing house Tom. University. 294 p. [in Russian].
- Nechukhrin, 2003** – *Nechukhrin A.N.* (2003). Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossiiskoi pozitivistskoi istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.) [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80s of the XIX century – 1917)]. Grodno: GrSU. 349 p. [in Russian].
- Petrushevskii, 1916** – *Petrushevskii D.M.* (1916). K voprosu o logicheskom stile istoricheskoi nauki [To the question of the logical style of historical science]. Pg.: Printing house RG. Shreder. 21 p. [in Russian].
- Pustarnakov, 2000** – *Pustarnakov V.F.* (2000). Sotsiologicheskaya kontseptsiya P.N. Milyukova – antiteza metafizicheskoi filosofii istorii [Sociological concept of P.N. Milyukova – the antithesis of the metaphysical philosophy of history] // PN. Milyukov: historian, politician, diplomat. Materials of the international scientific conference. M.: ROSSPEN. pp. 11-32. [in Russian].
- Ramazanov, 1995** – *Ramazanov S.P.* (1999). Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka. V 2 ch. Ch.1. Postanovka i popytka resheniya problemy [Crisis in Russian historiography of the beginning of XX century. At 2 o'clock part 1. Statement and attempt to solve the problem]. Volgograd: Publishing house of Volgograd State University. 144 p. [in Russian].
- Safronov, 1976** – *Safronov B.G.* (1976). Istoricheskoe mirovozzrenie R.Yu. Vippera i ego vremya [Historical world view R.Yu. Vipper and his time]. Moscow: Publishing House of the Moscow University. 224 p. [in Russian].
- Sidnenko, 2006** – *Sidnenko T.I.* (2006). Ideino-teoreticheskie i metodologicheskie vzglyady predstavitelei rossiiskoi liberal'no-istoricheskoi mysli kontsa XIX – nachala XX vv. [Ideological, theoretical and methodological views of representatives of Russian liberal historical thought of the late XIX - early XX centuries]. St. Petersburg: Nestor. 248 p. [in Russian].
- Sidnenko, 2008** – *Sidnenko T.I.* (2008). Russkaya liberal'naya istoriografiya i evropeiskaya filosofskaya mysl' v kontse XIX – nachale XX veka [Russian liberal historiography and European philosophical thought in the late XIX – early XX century]. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*. Is. 72. pp. 53-62. [in Russian].
- Skif, 1903** – *Skif N. (Sokolov N.M.)* (1903). G. Milyukov i slavyanofil'stvo [G. Milyukov and Slavophilism]. *Russkii vestnik*. No. 1. pp. 269-317. [in Russian].
- Skif, 1903a** – *Skif N. (Sokolov N.M.)* (1903). O russkoi natsional'noi traditsii [On the Russian national tradition]. *Russkii vestnik*. № 2. P. 675-687. [in Russian].
- Syromyatnikov, 1906** – *Syromyatnikov B.I.* (1906). Osnovnye momenty v razvitiu istoricheskoi mysli [The main points in the development of historical thought]. *Russian thought*. No. 12. pp. 94-96. [in Russian].
- Shapiro, 1962** – *Shapiro A.L.* (1962). Russkaya istoriografiya v period imperializma [Russian historiography in the period of imperialism]. Leningrad: Publishing House of Leningrad University. 235 p. [in Russian].
- Shuvalov, 1996** – *Shuvalov V.I.* (1999). Mnogofaktornyj podhod k istorii [Multifactor approach to history]. Penza: Penza State Pedagogical University. 106 p. [in Russian].

УДК 930.1

Концепты многофакторности и исторической закономерности в русской либеральной исторической мысли рубежа XIX и XX веков

Андрей Анатольевич Коновалов^{a, *}, Муслим Султанович Тамазов^a, Марьяна Буденовна Шорова^a, Светлана Григорьевна Мирзоева^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: homunculus2@yandex.ru (А.А. Коновалов), muslimt@mail.ru (М.С. Тамазов), mshorova@mail.ru (М.Б. Шорова), mirzoevasveta@mail.ru (С.Г. Мирзоева)

Аннотация. Рубеж XIX и XX веков время бурного развития исторической науки. Этот период характеризуется кризисом классического научного инструментария и поиском новых методов и подходов к осмыслению исторического процесса. Либеральное направление исторической науки находилось на переднем крае этого процесса. Историки – представители этого течения старались приспособить эвристические средства классической рациональности к меняющемуся интеллектуальному климату в исторической науке. Исследование этих поисков представляет интерес для сегодняшнего дня, когда многие исследователи, пытаюсь найти ответ на вызов постмодерна, выстраивают неоклассическую модель объяснения прошлого.

В статье исследуются основополагающие установки либеральной исторической парадигмы. Большая часть историков-либералов основывалась на позитивистской методологии. Именно это направление либеральной историографии стало предметом настоящей статьи. Проанализированы теоретические основы научных взглядов Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, Е.В. Де Роберти и других историков-позитивистов. В ситуации столкновения с эмпириокритицизмом и неокантианством они отстаивали основополагающие принципы классического взгляда на исторический процесс. Их научное мировоззрение продолжало базироваться на принципе исторического плюрализма, в рамках которого они разработали концепцию многофакторности процесса общественной эволюции. Другим важнейшим принципом исторического объяснения, который они защищали в полемике с оппонентами, был принцип опоры на факты, стремление избегать неподтвержденных метафизических обобщений.

При этом, необходимость корректировать свои научные установки в соответствии с изменившимся интеллектуальным климатом приводил к возникновению противоречий в их теории истории. Антиметафизические устремления сочетались с выстраиванием схем, основания которых, по сути, представляли собой умозрительные построения, выходящие за пределы мира явлений.

Ключевые слова: российский либерализм, позитивизм, история, русская историческая мысль, историческая закономерность, теория многофакторности, исторический факт.